

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Лишившийся верховной власти Надр Мухаммад-хан вскоре отправился в паломничество в Мекку, но по дороге скончался в иранском городе Семнан.

Таким образом, как видно из сообщений «Силсилат ас-салагин», в середине XVII в. Бухарское ханство было охвачено междоусобицей и династическими распрями, ослаблявшими государство и ложившимися тяжким бременем на плечи трудового народа, которого грабили и хан, и его приближенные, и мятежные феодалы.

А. Зияев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУФИЙСКОГО БРАТСТВА НАКШБАНДИИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIV—XV ВЕКОВ

История происхождения и развития суфизма, как и деятельность суфийских братств, показывает, что при сохранении их основной идеи о якобы возможном прямом духовном общении человека с богом, их роль и социальный статус в различные периоды менялись. Одни братства, как правильно отмечал И. П. Петрушевский, «своей проповедью пассивной созерцательной жизни и отказа от всякой активной деятельности в обществе» укрепляли власть феодалов над народными массами, другие же в той или иной мере и форме выражали протест против социального угнетения, проповедовали активную жизнедеятельность и труд¹. При этом на различных этапах общественного развития некоторые суфийские братства могли сочетать и те, и другие взгляды.

Многое мешает еще всестороннему изучению суфийских течений. Так, отсутствие в отечественном востоковедении систематизированных и обобщенных исследований по суфийской терминологии значительно усложняет изучение исламского мистицизма. В научной литературе, например, только для определения понятия суфийского объединения употребляются слова «братство» «силсила», «тарика» или «тарикат», «орден». Какую же смысловую нагрузку они несут?

Силсила включает в себя понятие генеалогической преемственности, «духовной цепочки», с которой в основном совпадает история суфийского братства. *Силсила* — не просто родословная, но и духовный иснад братства, т. е. передача религиозного знания от муршида (учителя) к муриду (ученику), которая начинается, согласно традиции, от «первого учителя» — Мухаммада; иначе говоря, ее начало возводится к истокам ислама. Для суфизма это особенно важно, ибо авторитет мистика определяется наличием у него «достоверного» иснада. Понятие «силсила» появляется в период, когда «разрозненные суфийско-дервишеские обители стали объединяться в большие и могущественные братства со своими системами, культом «святых» основателей-эпонимов и их преемников — главных шейхов»².

Более емкое определение братства — *тарика* (*тарикат*), или путь духовного совершенствования суфиев. В данном случае этот термин отражает не только систему подготовки к суфийскому пути, но и родственные системы суфизма и связанные с ними дервишеские братства³. Это слово более точно соответствует понятию «суфийское братство», в отличие от механически перенесенного из христианской церковной терминологии слова «орден». Наиболее веским аргументом в пользу термина «тарика» является его использование в суфийских письменных памятниках.

При изучении суфизма в Средней Азии XIV—XV вв. крайне важным представляется выявление роли братства накшбандийа, его места в феодальном обществе Мавераннахра, характера идеологии этого братства и причин его политических успехов. История накшбандийа может служить яркой иллюстрацией противоречивости и неоднородности исламского мистицизма на различных этапах его развития.

До сих пор указанные проблемы не получили соответствующего освещения в отечественной исторической науке, хотя и привлекали внимание многих исследователей. Критическому анализу этой ситуации посвящена статья А. Н. Болдырева⁴.

В нашем распоряжении имеются пока лишь немногие факты из истории накшбандийа, извлеченные из письменных памятников. Но даже эти скудные данные и их анализ свидетельствуют о важности изучения данного суфийского братства.

Один из источников для изучения тариката накшбандийа XIV—XV вв. в Средней Азии — «Рашахот'айн ал-хайат» Фахриддина Али ал-Кашифи ас-Сафи. Автор книги приводит имена 94 шейхов накшбандийа, их жизнеописание и характеристики. Доводя силсила до Ходжа Ахрара, он предоставляет исследователям обширный материал о жизни и деятельности последнего. Существуют и многочисленные «силсиле-и накшбандийа»⁵, написанные в разное время различными авторами.

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 347.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 311.

⁴ Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 47—63.

⁵ См.: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11260-XI, 6832, 10740, 12540-IV, 11235-II и др.

Из «Рашахот...» видно, что основные положения накшбандийа восходят к учёнию группы среднеазиатских шейхов, вошедших в историю как *ходжагон* — «учителя», «наставники». От школы ходжагон в дальнейшем произошли и такие крупные тарика, как ясавийа, бекташийа, а также ряд менее значительных суфийских объединений⁶. Основы теории и практики накшбандийа заложил Абдулхалик Гиждувани (ум. в 575/1179). Он завещал последующим поколениям тарика серию положений, известных как *калимат-э кудсийа* («священные слова»)⁷.

Более полное формирование братства происходит позднее, в результате деятельности Бахауддина Накшбанда (ум. в 791/1389), который добавляет к восьми основным положениям Гиждувани три по зикру и тем самым окончательно оформляет идеологию накшбандийа. В дальнейшем тарика усливается его последователями — Алауддином Аттаром (ум. в 802/1400), Мухаммадом Парса (ум. в 822/1419) и Яакубом Чархи (ум. в 851/1447). Эти наиболее крупные шейхи конца XIV — первой половины XV в. оставили заметный след в разработке теоретических и практических аспектов деятельности братства. Политическая активизация братства достигает наибольшей степени во второй половине XV в., при шейхе Насриддине Убайдаллахе, известном как Ходжа Ахрар (ум. в 895/1490). Хотя его личность, жизнь и деятельность привлекали внимание многих исследователей, до сих пор еще не имеется всесторонней, полной и объективной оценки его многогранной деятельности.

С XV в. тарикат накшбандийа начинает занимать прочное место не только в религиозной, но и в политической, социально-экономической жизни Средней Азии. В этот период накшбандийа выступает не только как определенное учение, но и в качестве идеологического, нравственного, общественного, правового мировоззрения. Богословы — знатоки Корана, фикха, тафсира, хадисов — не могли избавиться от рамок своеобразной «кастовости» и охватить сознание широких масс. В Средней Азии XV в. эту функцию выполнил суфизм в лице братства накшбандийа.

О. Д. Чехович писала, что суфизм накшбандийа представлял собою лишь «более действенное и тонкое оружие угнетения», чем официальное исламское духовенство⁸. Можно предположить, что для данной эпохи, когда усиливается социально-экономическое расслоение общества, усугубляется потребность в единой морально-идеологической системе. Одна из причин этого — возможность ослабления центробежных сил, неизбежно нарастающих с развитием феодальных отношений. Так что представляется, что тарикат накшбандийа и деятельность суфийских шейхов того периода — это более тонкая и действенная форма сохранения социального равновесия в обществе. Учитывая взаимосвязи феодальных правителей и духовных лиц, политики и религии, можно объяснить неудачи Халил-Султана, Улугбека, успехи Шахруха, Абу Са'ида, «миротворчество» Ходжа Ахрара и многое другое.

К сожалению, до настоящего времени история Мавераннахра XV в. не была исследована с подобных позиций. Это одна из причин, приведших к искаженной оценке общественно-политической ситуации той поры, преувеличению роли в жизни страны отдельных феодальных правителей; к непониманию и одностороннему подходу в исследовании некоторых других деятелей и целых социальных течений, таких, как накшбандийа.

У нас пока нет исследований по вопросам теорико-идеологических воззрений накшбандийа. Наличие их во многом помогло бы объединить практическую деятельность братства и отдельных его представителей. Идеология братства предполагает отход от общей тенденции аскетической жизни, которую обычно особо подчеркивают при характеристике суфизма. Примером тому может служить основополагающие принципы данного тарика. Так, *халват дар анджуман* («единение внутри общества») означает уединение в целях боготворения, усиленного поклонения богу в контексте общества. Автор «Рашахот» доносит до нас от имени Абдулхалика Гиждувани следующее объяснение этого принципа.

Отделение от общества может парадоксальным образом привести к культивированию собственного «эго» — «Я»; более эффективно преданность богу вдохновляет активность внутри общества⁹. Таким образом, по мнению Гиждувани, внешне, физически (зохер) человек находится с народом, а внутренне, духовно (ботэн) — с богом. Общество духовно чисто, ибо внутренне чист каждый отдельный человек, но в целом оно может породить отрицательный результат. Всю свою жизнедеятельность, учил Гиждувани, следует посвятить служению богу, тем самым очищая общество от негативных, отрицательных моментов¹⁰.

⁶ Mole M. Autour du Dare Mansour: L'apprentissage mystique de Baha' al-Din Naqshband (Nagshbandiyat II)//Revue des etudes islamiques. XXVII. 1959. P. 65.

⁷ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакноу, 1905. С. 20 (далее — Рашахот).

⁸ Чехович О. Д. О социальной роли и политической деятельности Ходжи Ахрара//Бартольдские чтения — 1982. Год шестой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1982. С. 71.

⁹ Algar H. The Naqshbandi order: a preliminary survey of its history and significance//Studia Islamica. 44. 1976. P. 133.

¹⁰ Рашахот. С. 23.

Фахриддин Али ал-Қашифи ас-Сафи приписывает Ходжа Ахрару слова, которые объясняют его политические действия, исходя из указанного выше принципа: «Если бы в эту эпоху мы действовали только как шейхи, то никакой шейх мира не нашел бы себе ученика. Но у нас другая цель — это защита мусульман от злой воли угнетателей. Для этой цели мы должны общаться с царями и завоевывать их души, тем самым выполняя предназначение ислама. Бог всемогущий своей милостью наделил меня такой властью, что если бы я захотел, то одним письмом мог бы заставить китайского императора, который претендует на божественную власть, оставить его монархию, прибежать ко мне и пасть на колени. Но, имея такую власть, я не отдаю подобного приказа. Если только бог пожелает, его распоряжение достигнет меня и лишь тогда я его выполню. На этой позиции *маком* требуется дисциплина, которая состоит в подчинении своей воле воле бога, а не божьей воли себе»¹¹.

Как видим, это не просто отвлеченные рассуждения, а теоретическое обоснование практических действий. Так, свою деятельность по «защите мусульман от злой воли угнетателей», для успеха которой он «должен общаться с царями и завоевывать их души, тем самым выполняя предназначение ислама», Ходжа Ахрар считает *макомом*. Что это значит? *Маком* или *макомат* («стоянка мистического пути») — это устойчивое, в отличие от временного (*ахвол*), этико-моральное состояние души, в котором пребывает суфий на пути к мистическому постижению бога. Постепенное приобретение и накопление подобных качеств приводит к конечной цели мистика — религиозно-нравственному самоусовершенствованию и духовному постижению бога.

Ходжа Ахрару принадлежит несколько суфийских трактатов¹². Они свидетельствуют о его эрудированности, знании теории предмета, что в какой-то степени было причиной большого влияния Ходжа Ахрара на жизнь общества того времени.

Приведенный выше текст заслуживает внимания и с других позиций. Представители накшбандийа, в том числе Ходжа Ахрар, часто критиковались исследователями за соглашательство и пособничество правящим кругам¹³. Роль братства, по мнению отдельных исследователей, сводилась к более гибкой, уточненной религиозной форме закабаления народных масс¹⁴. Нет ли здесь противоречий? Возможна ли такая открытая двуличность, двойственность политической и идеологической направленности учения накшбандийа при столь широкой поддержке его различными слоями населения? На наш взгляд, стараясь находиться между народными массами и феодальной элитой, Ходжа Ахрар тем самым искал возможности уберечь и тех, и других, и, что немаловажно, самого себя от социальных потрясений и катаклизмов: губительных войн, феодальных междоусобиц, народных волнений и восстаний. Здесь вполне уместно вспомнить высказывание основоположников марксизма о том, что церковь в феодальную эпоху выступала носителем «порядка в беспорядке». Своей деятельностью Ходжа Ахрар во многом нейтрализовал социальные конфликты и противоречия, заслужил славу «миротворца». А. Н. Болдырев отмечает этот факт как «совершенно новый для своего времени» способ «умиротворения, сдерживания разрушительных начал посредством огромной силы суфийского религиозно-мистического воздействия, подкрепленного силой экономической...»¹⁵.

Принципы калимат-э кудсийа сыграли важную роль в истории тариката накшбандийа. Некоторые ученые считают, что братство отбросило «традиционную паразитическую ипостась» суфизма, призывая вместо этого к «активной жизненной деятельности и производительному труду»¹⁶, провозглашая «крайнюю терпимость и снисходительность к людям», служение своему ближнему¹⁷, отрицая существование за счет чужого труда¹⁸. Вероятно, оглашение этих позиций среди широких слоев населения и было причиной феноменальной популярности братства накшбандийа среди всех слоев общества — от народных масс до элиты — и обширного ареала его влияния.

С территории Средней Азии идеи накшбандийа распространяются в Иран. Однако после прихода к власти династии Сефевидов (1502—1736)¹⁹, «для которых резня представителей суннитских школ и шейхов была неотъемлемой частью установления

¹¹ Рашахот. С. 295.

¹² Имеются литографированные издания этих произведений. См. сборник: Факарот-э ахрорие: Литография. Ташкент, 1910; Рисоле-и анфос-э нафисе: Литография. Ташкент, 1911; и др.

¹³ Библиографию см.: Болдырев А. Н. Указ. статья. С. 48—51.

¹⁴ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Хаджи Ахрара в Средней Азии и Афганистане)/Факсимиле, критич. текст, перевод, введ., примеч. и указатели О. Д. Чехович. М., 1974. С. 21—22.

¹⁵ Болдырев А. Н. Указ. статья. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Бертельс Е. Э. Избр. труды: Навои и Джами. М., 1965. С. 113, 215.

¹⁸ Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века. М., 1963. С. 44.

¹⁹ В течение XV в. суфийское братство сафавийа, основанное ардебильским шейхом Сафиаддином (ум. в 735/1334), принимает шиитскую окраску. См.: Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии/Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 226—229.

шиитской власти»²⁰, последователи тариката теряют свои позиции в Западном и Центральном Иране, за исключением Курдистана, где последователи накшбандийа всегда были многочисленны²¹ вследствие недовольства курдов политикой иранских властей, а также труднодоступности горных мест расселения курдского населения. Более длительным было влияние братства в Османской империи, Индии, Афганистане.

Распространение накшбандийа в Османской империи связывается с деятельностью Ходжа Ахрара и его муридов. Существуют легенды, гласящие, якобы Ходжа Ахрар лично влиял на ход тех или иных событий, происходивших в Турции. Согласно «Шакоик-и Нумонийе», Ходжа Ахрар сам путешествовал чудесным образом для оказания помощи османской армии в критический момент сражения²².

С самого начала своего проникновения на территорию Османской империи братство накшбандийа играло важную роль в духовной и религиозной жизни турецкого народа. То, что членом накшбандийа мог стать любой человек, независимо от его социального положения, позволило данному тарикату широко распространить свое влияние²³.

История тариката накшбандийа в Индии тесно связана с периодом правления Захириддина Мухаммада Бабур и его потомков. Бабур и его отец Умар-шайх были поклонниками и последователями Ходжа Ахрара²⁴. С того времени накшбандийа становится основным духовным братством в Индии. Его влияние широко и глубоко внедряется в индо-мусульманскую жизнь²⁵.

Исследователь роли накшбандийа в Индии Халик Ахмад Низами отмечает одно из характерных обстоятельств данного тарика, уже упоминавшееся выше,— среди многочисленных тарика, распространенных в Индии, только накшбандийа предписывает установление контактов с правителями, чтобы влиять на их деятельность. Чиштия избегали правительств и правителей; сухравардийа и шаттарийа смешались с королями и аристократией, оказали моральную поддержку им, но не предприняли попыток переориентации их взглядов; кадырийз и фирдоусийа в основном поддерживали и сохраняли величественную отстраненность в политических делах²⁶. Тарикат же накшбандийа в силу его специфики играл очень важную роль в формировании религиозных воззрений правителей, определявших формы и направления политической жизни²⁷.

Заметный след оставило братство накшбандийа в Герате. В тарика при содействии известного гератского шейха Сааддина Кашгари (ум. в 860/1456), силсила которого идет от Бахауддина Накшбанды через Алауддина Аттару и непосредственного учителя Кашгари — Низамиддина Хамуша²⁸, инициируется Абдурахман Джами. Позже, избрав своим пиром-наставником Джами, в тарика вступает и Алишер Навои. Величайшие представители своей эпохи, они связывали собственные гуманистические идеалы с идеями суфизма — альфой и омегой просвещенных представителей тогдашнего общества²⁹. Как считает О. Ф. Акимускин, «в ту эпоху идеи суфизма привлекали к себе всех мыслящих людей, для которых они были символами известной оппозиции ортодоксии и клерикализму»³⁰.

Взаимоотношения Абдурахмана Джами и Алишера Навои с Ходжа Ахраром были довольно тесными. Последний бывал в Герате³¹. По данным зарубежного исследователя Хамида Алгара, комната, пристроенная к Масджид-э Джами, в которой Ходжа Ахрар уединялся для зикра и медитации, до сих пор используется последователями накшбандийа в Герате³². Третьи встречались Ходжа Ахрар и Джами на тер-

²⁰ Algar H. The Naqshbandi order... P. 139.

²¹ Mole M. Autor du Dare... P. 45; Mole M. Quelques traites naqshbandis//Farhange Iran Zamin. 1958/1337. 6. P. 278—279.

²² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9724. Цит. по: Algar H. Op. cit. P. 139. В этой легенде речь идет о турецком султани Мухаммаде (Мехмеде) II «Завоевателе» (1451—1481), при котором Османское государство расширяет границы своих владений за счет завоевания Малой Азии и Балкан.

²³ Algar H. Op. cit. P. 140.

²⁴ Бабур неоднократно упоминает и восхваляет Ходжа Ахрара в «Бабур-наме». Кроме того, его перу принадлежит стихотворный перевод на узбекский язык суфийского трактата Ходжа Ахрара «Рисалеи Валидийе». См.: Самойлович А. Собрание стихотворений императора Бабур. Ч. I: Текст. Пг., 1917.

²⁵ Nizami Kh. A. Naqshbandi influence on Mughal Rulers and Politics//Islamic Culture. 1965. N 1. P. 42.

²⁶ Данные по братству шаттарийа см.: Medieval India Quarterly [Aligarh]. Vol. I. N 1. P. 56—70. Характеристики других перечисленных тарика см.: Петрушевский И. П. Ислам в Иране... С. 343, 344.

²⁷ Nizami Kh. A. Op. cit. P. 41.

²⁸ Рашахот. С. 108, 117.

²⁹ Акимускин О. Ф. Поэт, политик, меценат: Алишер Навои, Фархад и Ширин. 1484—1984. К 500-летию создания поэмы/Вступит. статья, состав. и комментарии О. Ф. Акимускина. М., 1984. С. 41.

³⁰ Там же.

³¹ Рашахот. С. 135, 141.

³² Algar H. Op. cit. P. 140—141.

ритории Средней Азии³³. Но основной формой их общения была личная переписка³⁴. Сохранились письма Ходжа Ахрара к Джамии и Навои, которые пока не получили должного исследования.

Итак, известные нам факты не дают основания для однозначно негативной оценки тариката накшбандийа, которая все еще существует в нашей литературе. Только целостное изучение исторических источников и имеющейся литературы позволит до конца прояснить роль братства накшбандийа и его отдельных представителей, как Ходжа Ахрар, личность которых вызывает споры и разногласия. Такие последователи этого тарика, как Алишер Навои, Абдурахман Джамии, Захириддин Бабур и другие, были высокоодаренными, выдающимися личностями. Давая оценку их роли, следует прежде всего учитывать, что они были представителями общественной среды своей эпохи со всем комплексом ее социальных, политических, культурных, этико-моральных и идеологических представлений, которые они впитали в себя и так или иначе отразили в своей деятельности³⁵.

Э. Э. Каримов

³³ Рашахот. С. 141 и след.

³⁴ См.: Письма-автографы А. Джамии из «Альбома Навои»/Введ., перевод, примеч. и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1982.

³⁵ См.: Аким ушкин О. Ф. Поэт, политик, меценат... С. 10.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

К ПРОЧТЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕГЕНД НА МОНЕТАХ «ГЕРАЯ»

Имя «Герая» вошло в науку со времени появления на страницах журнала «Numismatic Chronicle» (NC) статьи английского ученого П. Гарднера «A Coin of Heraüs, Saka King», в которой он описал вновь поступившую в Британский музей монету неизвестного правителя (тетрадрахму). На л. ст. дано погрудное изображение правителя, на об. ст. — конный всадник и состоящая из четырех слов легенда: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ (рис. 1)¹.

Приняв по традиции второе слово легенды (Η'ΑΟΥ) за личное имя правителя, П. Гарднер прочитал его как «Герая» и решил, что в легенде идет речь об одном из правителей сакских племен.

В 1886 г. в Каталоге Британского музея была зарегистрирована и вторая, аналогичная первой, хотя и с несколько дефектной легендой (ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ), монета².

Несколько монет этого правителя имелось и у английского коллекционера-нумизмата А. Каннингэма (шесть тетрадрахм, шесть оболлов и одна медная). В 1888 г. он публикует статью «Coins of the Indo-Scythian King Miaüs or Heraüs», в которой ставит под сомнение прочтение второго слова легенды П. Гарднером и предлагает прочтение — «Мийа»³. Он также видел в нем личное имя и идентифицировал его с именем правителя индо-сакских племен Пенджаба — Мауэса.

Знакомство с фотокопиями монет А. Каннингэма (рис. 2) показывает, однако, что оснований для предложенного им прочтения нет; лишь плохая сохранность монет и легенд на них позволила дать такое прочтение. Тем не менее у А. Каннингэма были последователи в прошлом⁴; имеются попытки возродить такое прочтение и среди современных ученых⁵.

Оставляя вопрос об имени правителя открытым, отметим, что ценность публикации А. Каннингэма состояла в другом. Благодаря его сообщению и публикации фотокопий ученым стало известно наличие двух вариантов монет. На монетах П. Гарднера легенда такова — ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ. А в легенде на монетах А. Каннингэма третье слово выступает не в форме ΣΑΚΑ, а в форме ΣΑΝΑΒ : ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΝΑΒ ΚΟ//ΑΝΟΥ.

Далее мы будем именовать первую легенду легендой I типа, а легенду на монетах А. Каннингэма — легендой II типа.

На монетах, обнаруженных в дальнейшем (их ныне — более 30 экз.)⁶ повторяется легенда II типа, а потому она и принята в науке за основной вариант⁷.

Монет с легендой I типа — всего 3 экз. К описанным выше П. Гарднером при-

¹ NC New Series. Vol. XIV. London, 1874. P. 161—168.

² Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactrian and India in the British museum. London, 1886.

³ NC. Ser. III. Vol. VIII. London, 1888. P. 47—97.

⁴ Allote de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane//Revue Numismatique. XXVIII, 1925. P. 36; Tarn W. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1948. P. 506. Прим. 2; и др.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

личности вождя в жизни народов Востока»; «Великий Хамза показал любовь народа к вождю» и т. д. Студентами было зачитано много стихотворений (в том числе узбекских поэтов) о В. И. Ленине.

Будущие врачи говорили: «В стихах узбекских поэтов показаны гениальность, простота, скромность вождя»; «Меня поражает его человечность, любовь к людям»; «В Ленине надо выделить такие черты характера, как дисциплинированность, огромная работоспособность, сила воли, уважение к людям труда, любовь к товарищам, умение внимательно выслушать человека и помочь ему. Эти черты характера мы должны вырабатывать в себе сами»; «Ленин был очень внимателен к нуждам людей». Заседание кружка закончилось просмотром фильма о Ленине.

Таких фактов можно привести немало. Они наглядно характеризуют направления, методы, способы и средства формирования нравственно-этических качеств будущих врачей. Все это способствует углублению и расширению теоретических знаний студентов, выработке у них таких качеств, как общение с окружающими, умение вести себя в обществе, быть внимательным к людям, готовым помочь им в беде, воспитывает у будущих медиков чувства сострадания, душевность, милосердие, доброту и иные человеческие качества, без которых не может быть настоящего врача.

С. И. Якубова

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«РАШАХОТ 'АЙН АЛ-ХАЙАТ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МАВЕРАННАХРА XV ВЕКА

Общезвестно значение изучения агиографических сочинений как одного из важных исторических источников, разумеется, при особо критическом к ним отношении. К их материалам надо подходить весьма осторожно, чтобы не впасть в идеализацию отдельных представителей духовенства. Но изучать такие труды необходимо. Касаясь этой проблемы, Б. А. Ахмедов писал: «До последнего времени о биографических сочинениях средневековых авторов (антологии поэтов и писателей и жизнеописания крупнейших духовных особ) существовало несколько превратное суждение. Например, антологин (тазкире) многие исследователи относили к источникам сугубо по истории литературы, а жизнеописания так называемых «святых» отцов (манакиб) рассматривали как сочинения богословские, исходя из того, что в них, как правило, повествуется о жизни и деяниях крупных шейхов и улемов. Это так. Религиозно-нравственная проповедь в них переплетается с историко-бытовым повествованием. Однако внимательное изучение показало, что они содержат и ценнейший фактический материал..., который отсутствует в нарративных источниках»¹.

Одним из известных агиографических сочинений является трактат Фахриддина 'Али б. Хусайна ал-Ва'иза ал-Кашифи, известного под именем ас-Сафи (ум. в 939/1532 г.) — «Рашахот 'айн ал-хайат» («Капли источника жизни»). Это один из наиболее емких и всеобъемлющих трактатов, освещающих религиозно-политическую жизнь Мавераннахра XIV—XV вв. Книга содержит биографии и поучения суфийских шейхов, среди которых главное место отводится биографии Ходжа Ахрара. Автор приводит имена 94 шейхов, их жизнеописания и характеристики, доводит их «цепочку» (силсила) до Ходжа Ахрара, предоставляя исследователям обширный материал по жизни и деятельности последнего. Но главное для нас состоит в том, что в сочинении ас-Сафи имеются ценные сведения по истории, культуре, философии, экономике Мавераннахра XV в.

Следует отметить, что сочинение ас-Сафи привлекало внимание многих ученых, которые использовали его материалы в своих трудах и исследованиях. Это — В. Л. Вяткин, В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, П. П. Иванов, Я. Г. Гулямов, Р. Н. Набиев, Р. Г. Мукминова, О. Д. Чехович, Б. А. Ахмедов, С. А. Азимджанова, А. Н. Болдырев и многие другие. Использован труд ас-Сафи и в ряде исследований зарубежных ученых, как Дж. С. Тримингэм, М. Моле, Х. Алгар, Ю. Пауль и др.

Тем не менее до настоящего времени в советской исторической науке специальной работы по исследованию «Рашахот» не имеется². Мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Али ас-Сафи был родом из семьи профессиональных проповедников-ваизов. Происхождение, родственные связи, вся деятельность ас-Сафи ставят его в ряд видных представителей гератской литературной среды. Он приходился свояком А. Джамии. Ему уделял внимание и тепло отзывался о его ранних поэтических опы-

¹ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 5—6.

² Среди зарубежных исследований данной проблеме посвящена небольшая статья Х. Беверидж: Beveridge H. The Rashahat-i-'Ainal-Hayat (Tricklings from the fountain of life)//IRAS, L., 1916.

гал А. главой. Ас-Сафи покровительствовал известным деятелям тимуридского времени эмир Низаматдин Шайх Ахмад Сухайли (ум. в 918/1512—1513 г.), который происходил из тюркской военной элиты и находился в окружении Тимура, Шахруха, был приближенным (мукараб) Хусайна Байкара. Близкий друг А. Навои, Шайх Ахмад Сухайли был поэтом, одинаково хорошо писавшим как на персидском, так и на тюркском языках³.

Известным писателем был отец ас-Сафи — Маулано Хусайн б. Али ал-Ва'из ал-Кашифи (ум. в 910/1505 г.). Его перу принадлежат многие труды по теологии, например «Тухфат ас-салават» («Подарок славословий») — один из его трактатов, посвященный религиозным наставлениям⁴. В конце книги имеется хронограмма, выполненная сыном автора — самим ас-Сафи. Маулано Хусайн ал-Кашифи увлекался и литературой. Он — автор рафинированно утонченной переработки широко известной «Калилы и Димны» — «Созвездие Канопы».

Али ас-Сафи получил прекрасное для своего времени образование. Имеющиеся в нашем распоряжении данные характеризуют его как интересную и яркую личность. Он получил известность и как ученый, и как литератор, и как признанный теолог своего времени, и как переписчик рукописей. На многих дошедших до нас рукописях содержатся пометки, следы изучения, оставленные ас-Сафи. Подобного рода надписи, сделанные скорописным настиком, имеются, в частности, на одном из средневековых трактатов, который служил пособием для фундаментального изучения ас-Сафи арабского языка. Речь идет о рукописи XIV в., принадлежавшей перу Абу Джа'фара ал-Маккари ал-Бейхаки (ум. в 544/1149 г.) «Тадж ал-масадир» («Венец масдаров») — это словарь арабских отглагольных существительных, объясненных по-персидски.

Опрямое наследие оставил ас-Сафи как переписчик. Им переписан, например, трактат «Инша' уд-давайр ва ал-джадвайл» («Изображение кругов и таблиц») — это труд знаменитейшего арабского философа и мистика Ибн ал-Араби, полное имя которого — Мухиддин Абу Али Мухаммад б. Абдулла б. Мухаммад ал-Араби ал-Хашими ат-Та'и ал-Андалуси (ум. в 638/1240 г.). В работе изложены взгляды автора по основным вопросам метафизики. Али ас-Сафи переписал данный самый труд на арабском языке и проверил выполненную работу — на полях рукописи имеются его поправки.

Деятельность ас-Сафи показывает его тесную связь с передовыми людьми своего времени. Это, в первую очередь, Абдуррахман Джами и круг его последователей и учеников. Ас-Сафи переписал комментарий на арабском языке А. Джами к произведению Ибн ал-Араби «Драгоценные камни мудрости». Следует отметить, что существует много комментариев и объяснений этого мистико-философского труда, повествующего, со свойственной автору напыщенностью слога, в 27 главах о 27 признанных в исламе пророках и о проявлении разных атрибутов божества в отдельных пророках. Так, имеется комментарий к «Драгоценным камням мудрости» Йусуфа Хамадани (ум. в 535/1141 г.) — одного из известнейших хальфа братства Накшбандийа⁵.

Абдуррахман Джами закончил этот комментарий в 896/1490 г. Список ас-Сафи выполнен с автографа Джами и сверен с ним, о чем свидетельствуют сделанные на полях рукой переписчика исправления. В СВР АН УзССР при описании данного экземпляра отмечается: «Очевидно, унаследовав от своего учителя Джами собственное ему бережное отношение к тексту и недоверие к переписчикам, переписчик (ас-Сафи. — Э. К.), как явствует из концовки (л. 269а), сличил свой список и со списком другого ученика Джами, Абдулгафура ал-Лари (ум. в 912/1506 г.)»⁶. В рукописном фонде ИВ АН УзССР имеются и «Рубаи Джами», тоже переписанные ас-Сафи с автографа⁷.

Известны также некоторые труды ас-Сафи, посвященные теории и практике суфизма. В их числе — трактат «Харз ул-аман мин фитни з-заман» («Талисман безопасности против превратности времени») — в нем говорится о магическом значении букв «ильму хуруф» и составляемых из них слов, из которых, в свою очередь, якобы вытекает целое учение о составлении разных талисманов, чудодейственных молитвенных обращений и т. п.

Перу ас-Сафи принадлежит и другой трактат — «Адабу-ль-асхаб» («Этикет господ») — где изложены нормы поведения и общения ореди суфиев, начиная от

³ Maria Eva Subtelny. Socioeconomic bases of cultural patronage under the later Timurids//Int. J. Middle East Stud. 20 (1988). Cambridge University Press, 1986. P. 492.

⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 21:16//II, 2572/XXX.

⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2018.

⁶ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/I.

⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/IV.

⁸ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 480/II.

⁹ СВР АН УзССР. Т. III. Ташкент, 1955. С. 199.

¹⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/II.

¹¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2795/I, 3060/I.

¹² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11284/III.

приветствий и кончая общими регламентирующими порядками, и их символическая интерпретация.

Али ас-Сафи — автор одной из интереснейших книг своего времени — «Тонкие слова людей разных категорий или остроумные рассказы из жизни разных классов людей»¹³. Это собрание остроумных изречений людей самых различных социальных категорий, слов, сословий. Здесь фигурируют пророки и имамы, эмиры и визири, ученые и поэты, философы и судьи. Среди героев ас-Сафи есть именитые мужи, простодушные люди, доверчивые дети. Имеются рассказы, где главными действующими лицами выступают рабы, нищие и др. Этот труд получил широкое распространение и пользовался большой популярностью. В XIX в. хорезмский поэт Пахлавон Нийазмирза-баши, сын Абдалла Ахунда Хорезми, известный под псевдонимом «Камил» (ум. в 1315/1898 г.), перевел в Хиве это произведение на узбекский язык¹⁴.

Уже в наше время эта книга переведена на русский язык и вышла под названием «Занимательные рассказы о разных людях»¹⁵.

Это произведение, свидетельствующее о литературном таланте ас-Сафи, сыграло большую роль в становлении его как ваза-профессионала.

Али ас-Сафи, его отец, другие духовные деятели того времени, очевидно, хорошо понимали, что проповедь божественных истин и предписаний — дело сложное и во многом непонятное основной читательской массе. Религиозные догмы следовало облечь в яркие, доходчивые слова, расцветить их притчами и легендами, занимательными рассказами и поучительными историями. Отдельные средневековые авторы блестяще справлялись с этой задачей. Возможно, поэтому их произведения оказывают сильное воздействие на читателя, захватывают и увлекают его.

С учетом всего сказанного перейдем к характеристике, пожалуй, наиболее интересного религиозного трактата ас-Сафи — «Рашахот 'айн ал-хайат». Это произведение принесло автору большую популярность в различных общественных кругах Мавераннахра, свидетельством чему являются многочисленные списки «Рашахот»¹⁶, неоднократные литографированные издания, выполненные в Лакхнау¹⁷, Каунпуре¹⁸, Ташкенте¹⁹. Написанное на персидском языке сочинение неоднократно переводилось. Имеются переводы «Рашахот» на арабский язык, сделанные в Египте в 1852 г. и в Мекке в 1889 г., а также на тюркский — в Казани в 1888 г. Существует и анонимный перевод «Рашахот» на узбекский язык. На этом списке указано имя переписчика — Мулла Худайберган б. Бек-Мухаммад — и дата — 1297/1880 г.²⁰ Нами здесь использована индийская литография «Рашахот»²¹.

Какова же структура трактата ас-Сафи? В начале автор дает масневи, посвященное Ходжа Ахрару и восхваляющее его совершенство и духовную силу²². Далее ас-Сафи излагает краткие сведения о своем труде. Он сообщает, что трактат основан на данных, полученных непосредственно от Ходжа Ахрара при их встречах и беседах, а также из книг, посвященных ему и тарикату Накшбандийа в целом²³. Ас-Сафи дважды приезжал в Самарканд и встречался с Ходжа Ахраром в декабре 1484 г. и в марте 1488 г. Многие рассказы и поучения ас-Сафи, по его словам, слышал от Ходжа Ахрара и после бесед записывал их. Но лишь через 16 лет, как указывает сам автор²⁴, он решил собрать их воедино. Далее ас-Сафи излагает основные части своей книги.

«Рашахот» состоит из введения — маколе, трех глав — максад (цель), и заключения — хотеме. Каждый максад состоит из трех разделов — фасл²⁵.

В маколе упоминается школа ходжагон и даются силсила — духовная цепочка шейхов Накшбандийа, их жизнеописания и краткие характеристики. В 1-м максаде упоминается об истории рождения и детстве Ходжа Ахрара, его пути к вере, его

¹³ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 342, 4530, 3636/I, 343/II и др.

¹⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1237, 7404.

¹⁵ Али Сафи. Занимательные рассказы о разных людях/Пер., предисл. и примеч. М. Занда. М., 1966.

¹⁶ См.: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1788, 2155/II, 1908, 502/VIII, 2487, 1498/III, 396 и др.

¹⁷ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакхнау, 1890, 1897, 1905.

¹⁸ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Каунпур, 1911, 1912.

¹⁹ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Ташкент, 1911.

²⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 632.

²¹ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакхнау, 1905 (далее — Рашахот).

²² Рашахот. С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 4.

путешествиях и встречах с «шейхами времени». Во 2-м максаде излагаются истории, рассказы, притчи, поучения, услышанные автором от ишана. В 3-м максаде описываются некоторые удивительные события, «мистические» подвиги, связанные с Ходжа Ахраром. В хотеме говорится о кончине ишана²⁶.

«Рашахот» не только дает исследователям массу материала по истории философской и религиозной мысли Среднего Востока и Средней Азии XIV—XV вв., но и является важным источником фактических сведений. Они позволяют уточнить местоположение, отдельных населенных пунктов, информируют об административном делении, в частности о размерах и различиях определенных населенных пунктов — «касаба», «дех» и т. д.

При упоминании имен отдельных представителей братства можно выявить сведения о ремесленных специальностях, а также о социальном составе представителей тариката. Например, шейх Эмир Кулал — кулал, т. е. керамист, горшечник²⁷. Объясняя происхождение имени Абдуллы Бараки, ученика Абу Йусуфа Хамадани, автор «Рашахот» сообщает, что Абдулла был сыном крупного скотовода (гусфандор), занимался продажей ягнят (баррэ), а потому его звали ходжа Абдулла Бараки²⁸. О ходже Мухаммаде Бобо говорится, что он был охотником, чем и кормился²⁹. Еще один представитель тариката — Ариф Диггарони происходил из деха (селение, деревня), в котором производились ремесленные изделия — котлы, горшки, чугунки и проч.³⁰

В «Рашахот» можно обнаружить сведения об одежде того времени: чекман-э 'уди — чекмень (род верхнего платья) цвета алоевого дерева³¹, кабо³² — верхняя одежда, надеваемая на рубашку, могла быть парчевой и хлопчатобумажной³³ и т. д.

Ас-Сафи доносит до нас много сведений о социально-экономическом положении страны, о житейских трудностях людей. Вот показательный эпизод о столкновении из-за дефежа воды. В нем идет речь о том, как какой-то дихкан заподозрил Низамуддина Хамуша, учителя Сааддина Кашгари, в том, что тот отвел его воду. Дихкан ударил и столкнул Хамуша в канал, но сам якобы тут же умер из-за несправедливого поступка³⁴.

Большого внимания заслуживают сведения «Рашахот» об общественно-политических событиях в Мавераннахре XV в. Это сообщения о поддержке духовенством Шахруха в его борьбе с Халил-Султаном за самаркандский престол³⁵, многочисленные свидетельства о плохих взаимоотношениях известных религиозных деятелей с Улугбеком — конфликт с Мухаммадом Парса³⁶, жестокое унижение и оскорбление Низамуддина Хамуша³⁷; насильственное назначение бухарского шейха Хусамуддина Шаши казием Бухары³⁸ и т. п.

Особо следует отметить описание в «Рашахот» военно-политических событий, феодальных междоусобиц, которыми была так богата вторая половина XV в.: борьба за престол и захват Самарканда Абу Са'идом³⁹; оборона Самарканда в 1454 г.⁴⁰; организация обороны Самарканда в 1470 г.⁴¹; заключение мира у Шахрухи между Султан Ахмадом, Умар Шайхом и Султан Махмудом⁴¹ и многие другие события, происходившие в тот период в Мавераннахре.

Таким образом, «Рашахот 'айн ал-хайат» ас-Сафи, несмотря на свой агнографический характер, содержит много ценной, конкретной информации, что наглядно подтверждает значимость глубокого изучения подобных сочинений нашими историками, философами, филологами и др.

Э. Э. Каримов

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Там же. С. 45.

³² Там же. С. 225.

³³ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976. С. 126—127.

³⁴ Рашахот. С. 112.

³⁵ Там же. С. 61—62.

³⁶ Там же. С. 60.

³⁷ Там же. С. 111—112.

³⁸ Там же. С. 46.

³⁹ Там же. С. 289 и след.

⁴⁰ Там же. С. 290 и след.

⁴¹ Там же. С. 293 и след.

⁴² Там же. С. 296 и след.